Утрата

Автор:
Карин Альвтеген

Утрата

Карин Альвтеген

Тридцатидвухлетняя Сибилла Форсенстрём уже давно порвала со своей состоятельной родней, да и с обществом в целом. Она ночует то в подвалах, то на чердаках, все ее имущество умещается в небольшой рюкзак. И вот однажды, оказавшись не в том месте не в то время, женщина неожиданно для себя становится главной подозреваемой в чудовищном убийстве с похищением органов. За ней охотится вся полиция Швеции, а тем временем происходят все новые и новые убийства. И Сибилле ничего не остается, кроме как провести собственное расследование и самой найти убийцу, вычислив его мотив по цепочке загадочных утрат.

Карин Альвтеген

Утрата

Итак, каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих. От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным. Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь. Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога[1 - 1 Кор. 4: 1–5.].

Благодарю тебя, Господи, за то, что ты дал мне мужество. За то, что ты обратил слух Твой ко мне, за то, что услышал мои молитвы и вразумил меня.

Позволь мне стать Твоим орудием. Позволь мне искупить грехи их, и открой врата вечности для любви моей.

Только тогда ко мне вернется надежда.

Только тогда обрету я мир.

Карин Альвтеген приходится внучатой племянницей знаменитой Астрид Линдгрен и не уступает ей в популярности: увлекательные детективы и психологические триллеры принесли писательнице не одну престижную награду, они переведены более чем на 30 языков и издаются сотнями тысяч экземпляров по всему миру. Роман «Утрата» выдвигался на многочисленные премии, в том числе на премию Эдгара По в США, в 2001 году получил «Стеклянный ключ», а в 2006-м был экранизирован Иэном Мэдденом для британского телевидения.

«Дьявольски искусно закрученная детективная интрига, чем дальше, тем более захватывающая история о бездомности, мужестве и сострадании, с совершенно неожиданным концом… Если кто и достоин титула «королевы детектива», то это Карин Альвтеген».

FOLKBLADET NORRK?PING

«Совершенно оригинальный, без малейшей надуманности сюжет о жестоком противостоянии бездомной Сибиллы и серийного убийцы-расчленителя, невероятный и вместе с тем убедительный».

SVENSKA DECKARAKADEMIN

«Карин Альвтеген обогатила детективную литературу своим незаурядным мелодраматическим даром».

SVENSKA DAGBLADET

«В «Утрате» есть все, что требуется для триллера: бешеный темп, живой язык, правдоподобные характеры и в высшей степени драматическая развязка».

HALLANDS NYHETER

* * *

Костюм был зеленого цвета и известной марки, и ни один из тех, кто ее видел, не мог предположить, что куплен он в благотворительном “Муравейнике” за 89 с половиной крон. Оторвавшуюся пуговицу на поясе юбки заменила булавка, но этого уже никто видеть не мог.

Махнув официанту, она заказала еще бокал белого вина.

Герой вечера сидел через два стола впереди, но за этими столами никого не было. К делу она пока не приступала и не могла определить, успел ли он увлечься фактом ее существования.

Зато его явно увлекали закуски.

Времени предостаточно.

Она сделала глоток из наполненного бокала. Вино было сухое и охлажденное до нужной температуры. И наверняка дорогое. Но на предмет цены она не задумалась ни на секунду – это ее абсолютно не интересовало.

Краем глаза она заметила, что он на нее посмотрел. Сделала так, что ее взгляд, скользнув по краю бокала, вроде бы случайно встретился с его взглядом. И с нужной дозой равнодушия прошелся дальше по помещению.

Французская столовая в “Гранд-отеле” была действительно шикарным местом. Она уже наведывалась сюда три раза, но этот будет последним, по крайней мере на какое-то время. Жаль – в номерах здесь всегда свежие фрукты, а непривычно толстых полотенец такое количество, что одно может запросто юркнуть в портфель.

Но не надо искушать судьбу. Если персонал ее узнает, все пропало.

Она вытащила из портфеля ежедневник и раскрыла его на сегодняшней дате. В легком раздражении нетерпеливо постучала о стол ногтями, покрытыми красным лаком. Как же она умудрилась назначить две встречи на одно и то же время? Мало того – с двумя самыми солидными своими клиентами!

Краем глаза она видела, что он наблюдает.

Мимо шел официант.

– У вас наверняка есть телефон, которым я могла бы воспользоваться?

– Конечно.

Официант направился к барной стойке, она проводила его взглядом.

Вернувшись, он протянул ей трубку.

– Пожалуйста. Сначала наберите ноль.

– Спасибо.

Она сделала, как было велено, но, прежде чем набрать номер, поискала его в ежедневнике.

– Здравствуйте, это Каролин Форс из “Свидиш Лаваль Сепаратор”. Сожалею, но завтра в первой половине дня у меня получилась накладка, и я хочу сообщить, что приду на два часа позже, чем планировалось.

– Двадцать часов двадцать пять минут. Пи-ип.

– Замечательно… Увидимся. До встречи.

“Колбаса салями 14:00”, – записала она со вздохом на строке под “жильем в сельской местности”, после чего захлопнула ежедневник.

В тот самый момент, когда она снова подняла свой бокал, их взгляды как бы случайно встретились. Она поняла, что завладела его вниманием целиком и полностью.

– Одно наехало на другое? – спросил он с улыбкой.

Она пожала плечами и немного смущенно улыбнулась.

– Бывает, – продолжил он, оглядевшись по сторонам.

Умница, движется прямиком к выставленному капкану и не спускает с нее при этом глаз.

– Вы одна или ждете кого-нибудь?

– Нет-нет. Я только хотела выпить бокал вина, перед тем как идти в номер. У меня был трудный день.

Закрыв ежедневник, она спрятала его в портфель. Еще чуть-чуть, и она у цели. Снова ставя портфель на пол, она подняла глаза – ровнехонько в то мгновение, когда он отодвинул от себя закусочную тарелку и, обернувшись к ней, приветственно поднял бокал.

– Может, я могу составить вам компанию?

Вот так-то! А ведь она еще толком и не начинала. Робкой улыбкой она стала подтягивать к себе клюнувшую рыбку. Но не торопясь. Легкое сопротивление никогда не повредит. И, прежде чем ответить на его вопрос, она пару секунд поколебалась.

– Конечно. Только я скоро ухожу.

Он встал, прихватил свой бокал и уселся напротив нее.

– Йорген Грундберг. Очень приятно.

Протянул ей руку. Она пожала ее и представилась:

– Каролин Форс.

– Красивое имя. Идет красивой женщине. Ваше здоровье!

На его левой руке блеснуло тонкое обручальное кольцо. Она подняла бокал:

– Ваше здоровье.

Появился официант с горячим для господина Грундберга. Увидев, что клиент исчез, он застыл как вкопанный, но Грундберг махнул рукой.

– Я здесь. Отсюда как-то вид получше.

Она натянуто улыбнулась, но господин Грундберг, слава богу, не обращал особого внимания на тонкости настроения окружающих. На стол между ними водрузили белую тарелку под серебряной крышкой, он тряхнул изящно свернутой матерчатой салфеткой и разложил ее на коленях. А потом потер ладони.

Да, этот человек явно предвкушал свою трапезу.

– А вы поесть не хотите?

Она почувствовала, как заурчало в животе.

– Да я как-то не собиралась.

Он приподнял крышку, и тонкий запах чеснока и розмарина тотчас же заполнил ее ноздри. Ее язык почти утонул в слюне.

– Конечно, вам следует поесть!

На нее он не смотрел. Теперь он сосредоточенно отрезал кусок филе ягненка.

– Ужин, завтрак и обед – доживешь ты до ста лет, – продолжил он, отправив в рот прилично нагруженную вилку. – Разве мама вам этого не объяснила?

Наверняка когда-то мама объяснила ей и это, и многое другое. И уже только по этой причине стоило отказаться. Но сейчас ей действительно очень хотелось есть, и фрукты в номере больше не казались такими привлекательными.

Поместив в рот первый кусок, он махнул официанту. Тот мгновенно подошел, и какое-то время ему пришлось вежливо дожидаться, пока господин Грундберг прожует.

– Пожалуйста, принесите даме такое же. Запишите на четыреста седьмой.

Улыбнувшись ей, он вытащил из кармана магнитную карточку-ключ и немного помахал ею перед официантом.

– Номер четыреста семь.

Официант ушел.

– Я надеюсь, вы не будете возражать?

– На самом деле я могу сама заплатить за свою еду.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. Просто мне хочется таким образом возместить мою навязчивость.

Да на здоровье.

Она отпила немного вина. Этот мужчина, пожалуй, слишком хорош, чтобы быть настоящим. Великолепная, полностью самодвижущаяся модель. Он снова заработал челюстями над своей ягнятиной, и еда, казалось, поглотила его целиком. В какое-то мгновение создалось впечатление, что он вообще позабыл о том, что за столом есть кто-то еще.

Она рассматривала его. Лет пятьдесят. Дорогой костюм, и, судя по тому, что он не моргнув заказал две порции филейной ягнятины во французской столовой, с платежеспособностью у него полный порядок.

Отлично. Он идеален.

Судя по виду, он привык к хорошей пище. Шее явно было тесно внутри воротника рубашки, и часть выперла через край и нависла над самым узлом галстука.

Неопытный глаз, пожалуй, вполне мог обмануться его наружностью, но она-то видела его насквозь. Явный выскочка. Его застольные манеры сами ябедничали, что в детстве никто не потрудился объяснить этому человеку, как себя ведут за обедом. Никто не стучал его по локтям, когда те укладывались на стол, никто не удосужился подсказать, что не следует облизывать нож.

С чем его, собственно, можно поздравить.

Да и пользовался он к тому же закусочным прибором.

Он почти доел, когда перед ней приземлилась ее тарелка. Официант приподнял крышку, и ей пришлось сдержаться, чтобы по примеру Йоргена Грундберга не наброситься на еду. Она отрезала кусочек филе и тщательно его прожевала. А он, подобрав ножом остатки соуса, беззастенчиво отправил их в рот.

– Действительно очень вкусно. Спасибо.

– You are welcome, – улыбнулся он, пытаясь скрыть салфеткой отрыжку.

Отодвинув от себя тарелку, он вытащил из кармана белую упаковку с таблетками. Нажатием пальца выдавил продолговатую капсулу и проглотил ее,

запив глотком вина.

– “Свидиш Лаваль Сепаратор”. Звучит солидно.

Он снова положил лекарство в карман. Продолжая есть, она пожала плечами. Начиналась рискованная фаза.

– А вы? Чем вы занимаетесь?

Подумать только, это всегда работает. Будто все мужики в дорогих костюмах – клоны одного прародителя. Как только карьеристу-энтузиасту предоставляется возможность поговорить о собственных успехах, он тотчас же начисто забывает обо всем, что могло представлять для него интерес всего лишь минуту назад.

– Импортом. Главным образом электроники. Ищу всевозможные перспективные новинки, а потом размещаю производство в Латвии и Литве. Представляете, себестоимость товара снижается в три раза, если вы…

Она наслаждалась едой. Он увлеченно живописал собственную гениальную бизнес-идею, она периодически поднимала на него глаза и заинтересованно кивала, но все ее естество было наполнено чесноком и розмарином.

Когда тарелка опустела, она заметила, что он замолчал, и подняла на него глаза. Он смотрел на нее. Да, самое время приступить ко второму этапу. В ее бокале оставалось больше половины, но тут уже ничего не поделать.

– Действительно очень вкусно. Спасибо.

– Все-таки вы успели немного проголодаться.

Она положила нож и вилку на тарелку параллельно, как полагается. Да, хоть один человек за этим столом знает, как это принято делать.

Он выглядел до смешного самодовольным.

– Обычно я всегда догадываюсь, чего хочет женщина. – Он улыбался.

Интересно, про свою жену он тоже это знает?

– Спасибо за вкусный ужин и приятную компанию, но теперь мне пора.

Она свернула салфетку.

– А вас не привлекает маленькая рюмочка в номере на сон грядущий?

Их взгляды встретились через стекло бокалов.

– Спасибо. Но завтра у меня трудный день.

И, прежде чем он успел ее остановить, она махнула официанту. В следующую секунду тот подошел.

– Будьте добры, счет, – спросила она.

Официант вежливо кивнул и начал убирать со стола. Бросил взгляд на сложенные крест-накрест приборы Грундберга.

– Можно взять?

Оттенок почти издевательской иронии в его голосе заставил ее прикрыть улыбку бокалом, но сам господин Грундберг язвительности не заметил и лишь кивнул.

– Позвольте мне заплатить, – произнес он. – Мы же договорились.

Он попытался накрыть ее руку своей, но она увернулась.

– Хорошо, но за вино я заплачу сама.

Она взяла сумочку, висевшую на спинке стула, но он не сдавался.

– Нет. Давайте не будем спорить.

– Давайте я все-таки буду решать сама.

Подошел официант. Грундберг ей улыбался. Он начинал ее раздражать, но говорила она скорее упрямо, чем сердито. Гасить его интерес еще рано, и она улыбнулась. Сумочка стояла у нее на коленях, она открыла ее, намереваясь вытащить кошелек. Быстро просмотрела оба отделения.

– О господи!

– Что случилось?

– Кошелька нет!

Она снова перерыла всю сумку, с еще большим усердием. Потом прикрыла лицо левой ладонью и глубоко вздохнула.

– Так, сейчас мы успокоимся! Вы уверены, что деньги не в портфеле?

Она позволила новой надежде охватить себя, а главное, его. Подняла портфель на колени и раскрыла. Если бы он мог видеть содержимое, то очень удивился бы, обнаружив, что, кроме ежедневника, Каролин Форс носит в портфеле полпалки вареной колбасы и швейцарский универсальный складной ножик “Viktorinox”.

– Нет, здесь тоже ничего нет. Господи, меня, наверное, обокрали.

– Так, так, так! Спокойно, спокойно. Сейчас мы все устроим.

Вернулся официант с двумя счетами на маленьком серебряном подносе, и Грундберг торопливо вытащил кредитку “Американ Экспресс”.

– Пожалуйста, возьмите за все.

Официант посмотрел на нее, спрашивая разрешения, и она поспешно кивнула.

– Я верну вам, как только…

– Нет проблем. Мы все уладим.

Она снова закрыла лицо ладонью.

– О боже, ведь мой гостиничный ваучер тоже был в кошельке! Теперь у меня нет номера, – закончила она в отчаянии.

И, охваченная безнадежностью ситуации, покачала головой.

– Позвольте мне этим заняться. Оставайтесь здесь, а я поговорю с портье.

– Но я не могу допустить, чтобы…

– Конечно, можете! Разберемся, когда найдется ваш кошелек. Никакой спешки. Так что сидите здесь, а я пойду договорюсь.

Поднявшись, он направился к стойке портье.

Она сделала глоток вина.

Ну, за успех.

В лифте и всю дорогу до номера она беспрестанно благодарила его. Он прихватил с собой два бокала виски и перед ее дверью предпринял последнюю попытку.

– Вы не передумали на предмет глоточка на сон грядущий?

В этот раз он даже подмигнул.

– Мне жаль, но нужно срочно позвонить в несколько мест, чтобы заморозить все счета.

Да, для него это была весьма уважительная причина, он протянул ей бокал виски и вздохнул:

– Жаль.

– Может быть, в следующий раз.

Хмыкнув, он вытащил ее магнитный ключ. Она взяла его.

– Я действительно очень благодарна вам за все, что вы сделали.

Ей хотелось поскорее в номер. Она вставила карточку в узкое отверстие. Он накрыл ее руку своей.

– Я остановился в четыреста седьмом. Знайте, где меня искать, если передумаете. Я сплю некрепко.

Он не сдавался. Полностью мобилизовав самообладание, она медленно убрала свою руку.

– Буду иметь это в виду.

Карточка не сработала. Замок не щелкнул. Она попробовала еще раз.

– Вот видите, – улыбнулся он. – Вы взяли мой ключ. Может, это знак?

Она повернулась к нему лицом. Он держал ее карточку между большим и указательным пальцами. Она отчетливо почувствовала, что еще чуть-чуть – и она начнет ему хамить. Взяв один пластиковый прямоугольник из его рук, она засунула другой ему в нагрудный карман пиджака. Дверь открылась с первой попытки.

– Спокойной ночи.

Ступила на порог, намереваясь закрыть за собой дверь. Он стоял не шевелясь и был похож на обиженного ребенка. Поманили конфеткой и ничего не дали. А он расторопный, вон как быстро со всем справился. В общем, так и быть, пусть получает свою карамельку. Она заговорила тише:

– Я дам знать, если почувствую себя слишком одинокой.

Он просиял, как весеннее солнце, и на этой лучезарной картине она закрыла дверь, повернув изнутри ручку.

– Have a nice life[2 - Всего хорошего (англ.).].

* * *

Открыв на полную мощность краны в ванной, она первым делом бросилась снимать с себя парик. Корни волос чесались, и, наклонившись вперед, она принялась скрести голову ногтями. Потом выпрямилась и посмотрела на свое лицо в зеркале. Да, жизнь над ним потрудилась. Ей всего тридцать два, но она и сама прибавила бы верный десяток, предложи ей кто угадать собственный возраст. Житейские разочарования нарисовали вокруг ее глаз сеть мелких морщин, хотя в общем и целом выглядела она по-прежнему неплохо. По крайней мере, мужчины вроде Йоргена Грундберга на нее клюют, а большего ей и не надо.

Ванна наполнилась до краев, и, когда она туда залезала, вода пролилась на пол. Наклонившись вниз, она попыталась спасти брошенный на коврик костюм, но движение привело к обратному эффекту. Костюм теперь придется сушить на горячей трубе для полотенец.

Откинувшись назад, она расслабилась. Да, вот из таких удовольствий, в сущности, и состоит смысл жизни. Ну, если вы, конечно, не предъявляете к той особых претензий. Во всяком случае, собственная рюкзачная жизнь научила ее ценить подобные мелочи. Вещи, которые для большинства настолько самоочевидны, что их попросту не замечают.

Когда-то она тоже жила как все, так что знает, о чем говорит. И не важно, что с тех пор прошло много времени.

Дочь директора, Сибилла Вильгельмина Беатрис Форсенстрём. Да, когда-то и она мылась каждый божий день, когда-то и на нее распространялось это общечеловеческое право. Впрочем, право-то, может, никуда и не исчезло, просто

она научилась ценить это право, когда возможность его осуществить утратила очевидность.

Сибилла Вильгельмина Беатрис Форсенстрём.

Что странного в том, что она везде была чужой? Все гарантии на пожизненную инвалидность она получила уже при крещении.

Сибилла.

Даже самые слабоодаренные школьники городка Хюлтарид проявляли неслыханные способности по части придумывания рифм к ее имени. Положение не улучшал тот факт, что в самом центре городка располагался киоск, где продавались сосиски “Сибилла”, о чем всем проходящим мимо услужливо сообщала хорошо освещенная вывеска. Так что получалось, что с сосисками тоже можно было рифмовать. Куда ни кинь – все клин. Ну а уж когда все разузнали про Вильгельмину с Беатрис, изобретательность стала поистине безграничной.

Наш ребенок уникальный. Разумеется. А чей не уникальный?

Хотя, конечно, все понятно. Ну разве можно сравнивать ее с этими обыкновенными, заурядными детьми рабочих, с которыми дочь вынуждена ходить в одну школу? Мать Сибиллы тщательно подчеркивала особенное положение своей дочери, что в свою очередь узаконивало отчужденное отношение к ней одноклассников. Сибилле следовало занять подобающее место в общественной иерархии – для Беатрис Форсенстрём это было важно. Но еще важнее, чтобы это особое положение прочувствовали все окружающие. Поскольку достойным матери представлялось только то, чего хочется всем остальным. Только чужие восхищение и зависть определяли подлинную ценность вещей.

Почти все родители одноклассников работали на заводе, который принадлежал ее отцу. Кроме того, отец занимал солидное кресло в муниципалитете, и его слово там многое решало. Рабочие места в Хюлтариде появлялись и исчезали по его желанию, все дети знали об этом. Но искать работу им пока было рано, а в будущем в их годы хочется большего, чем сменить отца или мать у станка на заводе “Металл и ковка Форсенстрёма”. Так что дразнилки в коридоре вполне

можно себе позволить.

Впрочем, директора Форсенстрёма это не слишком волновало.

Он был целиком и полностью поглощен делами своего успешного семейного предприятия. Для воспитания ребенка у него не оставалось ни времени, ни сил, и вряд ли его можно было обвинить в том, что ручной работы ковер в его загородном доме вытерся на пути в детскую. Директор уходил из дома утром и возвращался вечером, они ели за одним столом. Он сидел на своем месте и чаще всего был погружен в размышления, документы и таблицы, а о том, что происходило за кулисой корректности, не имел ни малейшего представления. Дочь послушно съедала свой ужин и уходила из-за стола, как только ей позволяли.

– Хорошо. А теперь иди к себе и ложись спать.

Сибилла вставала, робко намереваясь взять свою тарелку.

– Оставь. Это сделает Гун-Бритт позже.

В школе их обязывали убирать за собой. Она всегда путалась, какие правила действуют в школе, а какие дома. Сейчас она не тронула тарелку, а подошла к отцу и быстро поцеловала его в щеку.

– Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи.

– Сибилла, ты ничего не забыла?

Повернувшись, она посмотрела на мать.

– Мама, а разве ты не придешь пожелать мне спокойной ночи?

– Сибилла, ты же знаешь, что по четвергам я хожу в дамский клуб. Ну когда же ты научишься наконец помнить об этом?

– Прости.

Сибилла подошла к матери и быстро поцеловала ее в щеку. Пахло пудрой и вчерашними духами.

– Если тебе понадобится помощь, попроси Гун-Бритт.

Гун-Бритт была домработницей, которая убирала, готовила еду и помогала с уроками – словом, делала все то, на что у госпожи Форсенстрём не хватало времени. А иначе как же ее благотворительность? Да если б не Беатрис Форсенстрём, что бы было с несчастными детьми Биафры?

Сибилла помнила, как завидовала этим детям, которые живут страшно далеко и запуганы до такой степени, что тетеньки в другом конце земного шара находят время о них заботиться. Когда ей было шесть, она попыталась что-то предпринять и целую ночь проспала на темном и страшном чердаке их дома в надежде так же сильно испугаться. Прокралась туда с подушкой, когда все уснули, и улеглась там на какой-то старый половичок. Обнаружившая ее утром Гун-Бритт тут же помчалась доносить Беатрис. Выволочка длилась больше часа, а потом у матери случился приступ мигрени, затянувшийся на несколько дней. В чем конечно же обвинили Сибиллу.

Впрочем, за одну вещь ей действительно следовало поблагодарить мать. Восемнадцать лет, проведенные в родительском доме, выработали у Сибиллы почти сверхъестественную способность улавливать расположение духа окружающих. Она стала живым сейсмографом, инстинкт самосохранения научил ее предугадывать капризы матери и приближение взрыва, и она до сих пор очень тонко чувствует язык человеческого тела и другие невербальные сигналы. В нынешней жизни это стало большим подспорьем.

Вода в ванне начала остывать. Встав, Сибилла стряхнула с себя капли и воспоминания. На теплой трубе рядом с ванной висел толстый мягкий халат, закутавшись в него, она вышла в комнату. По телевизору показывали американское комедийное телешоу с записанным смехом. Она немного посмотрела его, одновременно тщательно стирая лак с ногтей.

Целая и чистая.

Правило Номер Один.

Именно это отличает ее теперь от других бездомных, именно это позволило сделать шаг наверх из самой безнадежной нищеты.

Важно только то, как ты выглядишь в глазах других.

Только это, и ничто другое.

Уважают только тех, кто живет по установленным правилам. Тех, кто не выделяется из толпы. А те, кому это соответствие не удалось, могут рассчитывать исключительно на лечение. Слабость провоцирует. И люди готовы наложить в штаны при виде того, кто лишен гордости. Того, кто не знает стыда. Ведь таким же нельзя стать, если ты этого действительно не заслуживаешь, правда? Всегда же есть выбор! Так что хотят – пусть себе лежат в собственном дерьме, раз уж сами это выбрали. А будут при этом хорошо себя вести – получат подачку из средств налогоплательщиков, а то ведь, не дай бог, еще с голоду помрут. Мы же не ироды какие – мы каждый месяц платим за то, чтобы таким, как вы, помогали. Только не надо подходить к нам в метро, не надо протягивать ваши вонючие руки, не надо требовать от нас большего! Нам это крайне неприятно. Ведь мы одно, а вы другое. Ах, не нравится – так идите, черт возьми, работать! Возьмитесь за ум! А что жилье? Вы что, думаете, нам наше жилье по почте прислали? Ну ладно, если так, то, пожалуй, можно построить где-нибудь какой-нибудь дом для таких, как вы, чтобы вы там могли жить. В моем квартале? Никогда в жизни! У нас дети, мы должны о них думать. Мы не хотим, чтобы здесь шлялись всякие, кололись и разбрасывали повсюду шприцы. Нет, на нашей территории мы этого никак не хотим. А где-нибудь в другом месте – пожалуйста!

Потому что это действительно, действительно ужасно – у людей нет крыши над головой!

Она смазала все тело голубовато-белым кремом и посмотрела на соблазнительную кровать. Потрясающее ощущение – сидишь себе чистая, в тепле, и знаешь, что скоро уляжешься в настоящую постель и спокойно проспишь целую ночь.

Лучше повременить и пока не ложиться, а просто посидеть немного, наслаждаясь предвкушением.

* * *

Мама знала, что я отличаюсь от остальных. И всегда боялась, что жизнь меня разочарует. Всякий раз, когда мне действительно чего-нибудь хотелось, она старалась меня подготовить и объяснить, что я буду чувствовать, когда мне это не удастся. Чтобы защитить меня от боли, она отнимала у меня мои желания.

Но если всегда готовиться к неудаче, то она рано или поздно станет самоцелью.

Я не могу больше так жить. Теперь не могу.

Руне воплотил в себе все, что мне когда-либо хотелось. Вся моя жизнь была тоской по нему, и вдруг он появился. И стал значить для меня больше, чем сама жизнь.

О, не поэтому ли меня и настигла кара? Сколько раз меня мучил этот вопрос, Господи.

Грех плоти нашей был столь велик, что ты, Господи, не мог не заметить его, не мог возрадоваться нашей любви. Ты отнял у меня Руне, но не попал он в Царствие Твое.

И я спрашиваю Тебя, Господи, что нужно, чтобы он получил прощение?

Ибо завещание вступает в силу лишь после смерти. Лишь смерть делает завещание истиной. Но оно не имеет силы, если тот, кто его сделал, все еще жив. И первая связь еще не освящена кровью. Ведь по закону Твоему очищает лишь кровь, и нет без нее прощения.

Благодарю тебя, Господи, что ты объяснил мне, как мне следует поступить.

* * *

Ее разбудил громкий стук в дверь. Мгновенно проснувшись, она вскочила с кровати и бросилась собирать одежду. Черт побери, как же она умудрилась проспать? Электронные часы показывали без четверти девять. Вопрос в том, успел ли Грундберг ее вычислить или он просто проснулся от приступа внезапной назойливости?

– Одну минутку.

Ринувшись в ванную, она смела с сушилки всю одежду.

– Послушайте, откройте. Я хочу задать несколько вопросов.

Господи, это не Грундберг, это какая-то женщина.

Наверное, кто-то из персонала – видимо, ее узнали, парик не помог.

Господи, господи, господи.

– Я не одета.

За дверью стало тихо. Она подошла к окну и выглянула на улицу. Да, удрать этим путем вряд ли получится.

– Это полиция. Пожалуйста, поторопитесь!

Полиция! Чтоб вы сдохли!

– Я сейчас, две минуты.

Приложив ухо к двери, она услышала звук удаляющихся шагов. Прямо перед ее носом висел заламинированный план аварийной эвакуации, и, застегивая на юбке булавку, она успела его изучить. Нашла свой номер и выяснила, что пожарная лестница находится через две двери от ее. Накинула куртку, взяла сумочку и снова прижалась ухом к двери. Осторожно приоткрыла дверь и сквозь узкую щель выглянула наружу. Никого. Без колебаний вышла в коридор и закрыла дверь, стараясь действовать как можно тише. Секундой позже она уже оказалась на черной лестнице и во весь опор неслась туда, где, как ей казалось,

должен быть выход на улицу. И тут она вспомнила. Портфель! Он остался в номере 312. Она резко остановилась, но сомнения одолевали ее всего несколько секунд. Да, портфель не вернуть. Равно как и парик, забытый в ванной. Семьсот сорок крон псу под хвост! Инвестиция, сулившая много ночей сладкого сна. Кстати, мыло и бутылочки с шампунем она тоже не успела прихватить.

Лестница привела ее к металлической двери, над которой висела зеленая лампочка аварийного выхода. Повернув ручку, Сибилла с опаской приоткрыла дверь и выглянула на улицу. Метрах в двадцати стоял полицейский автомобиль, но рядом никого не было, и это придало ей достаточно смелости, чтобы выйти. Оглядевшись, она поняла, что попала на задний двор “Гранда”. Машины на улице Сталльгатан стояли в пробке, и, стараясь казаться спокойной, она протиснулась мимо них и пошла дальше к площади Бласиехольм. На Арсеналгатан повернула направо, миновала Бернс и двинулась к Хамнгатан. За ней вроде бы никто не шел, но на всякий случай она пересекла площадь Норрмальмсторг и свернула на Библиотексгатан. Здесь она замедлила шаги, а у “Венской кондитерской” решила остановиться и собраться с мыслями.

Села за самый дальний от окна столик и попыталась успокоиться.

Да, с тех пор как она начала практиковать свои гостиничные ночевки, так сильно она еще не рисковала. О “Гранде” теперь придется на какое-то время забыть. Только непонятно, как Грундберг ее засек. Может, ее действительно узнал кто-нибудь из персонала и сообщил ему в номер? Но почему он тогда позволил ей проспать всю ночь? Да, вряд ли она об этом когда-нибудь узнает.

Она огляделась по сторонам.

Люди вокруг завтракали, и она пожалела, что у нее нет денег.

Внезапно она ощутила боль в горле. Потрогала лоб, испугавшись, нет ли температуры. Кто его знает, может, и есть.

Бросила взгляд на часы, чтобы узнать, какой сегодня день. Часы снова стояли. Она носила их уж 17 лет, с самой конфирмации. Подарок родителей. С пожеланиями счастья и успехов.

Ну-ну.

Хотя теперь она была относительно счастлива. Да, счастлива – с тех пор, как решила сделать хоть что-нибудь со своей убогой жизнью и поняла, что ей это вроде бы удается. По крайней мере, сейчас она намного счастливее, чем тогда, когда слыла образцовой директорской дочерью. Да, но время шло – и сначала ее просто перестали считать образцовой. Потом обнаружили у нее множество пороков – и дочерью тоже считать перестали.

Но каждый месяц год за годом в абонентском почтовом ящике на Дроттнинггатан оказывался белый конверт без обратного адреса. И каждый месяц в конверте оказывалось ровно одна тысяча четыреста крон.

И ни слова, ни вопроса. Мать откупалась от собственной совести, как раньше платила детям Биафры.

Отец, вероятнее всего, вообще был не в курсе.

Абонентская плата за почтовый ящик составляла 62 кроны.

В месяц.

Молодая официантка с кольцом в носу спросила, хочет ли она сделать заказ. Хотеть-то она хотела, только денег у нее не было. Покачав головой, она поднялась, вышла на Библиотексгатан и двинула к Центральному вокзалу. Ей надо переодеться.

Она заметила это, дойдя до середины площади Норрмальмсторг. Газетный аншлаг, жирные черные буквы на ярко-желтой бумаге. Прочитала текст два раза и только тогда поняла, о чем шла речь.

Срочно в номер!

Зверское убийство совершено этой ночью в “Гранд-отеле”

Стокгольм, Национальное Агентство Новостей.

В номере “Гранд-отеля” в центре Стокгольма этой ночью зверски убит мужчина. Житель Центральной Швеции, приехавший в столицу по делам, проживал в отеле в течение двух последних суток. Персонал “Гранда” утверждает, что постоялец намеревался выехать из Стокгольма в ближайшую пятницу. В интересах следствия полиция пока не раскрывает подробности преступления, но тем не менее сообщает, что тело обнаружено персоналом около полуночи, после того как один из проживающих поднял тревогу, заметив пятна крови в коридоре на полу у двери номера жертвы. Полиция также сообщает, что тело подверглось некоторому надругательству.

Следы преступника пока не обнаружены, но полиция надеется, что допросы персонала отеля и его постояльцев помогут в расследовании. На момент сдачи номера в печать осмотр места преступления еще не завершен, и отель по-прежнему оцеплен. Сегодня в первой половине дня тело будет отправлено для исследования в Центр судебно-медицинской экспертизы в Сольне. Предполагается, что допросы персонала и постояльцев “Гранда” продолжатся в течение всего дня, после чего полицейское оцепление, вероятно, будет снято.

И все.

Почти всю страницу занимал снимок “Гранд-отеля”, а в остальной статье рассказывалось о других убийствах с расчленением, которые произошли в Швеции за последние десять лет, и все это подробнейше иллюстрировалось фотографиями жертв с указанием их фамилий и возраста.

Так вот почему к ней стучали! Да, она не жалела о том, что смылась оттуда. Иначе как бы она объяснила собственное пребывание в одном из самых дорогих отелей Стокгольма? Это в ее-то положении, когда у нее нет денег даже на простую чашку кофе в обыкновенной кондитерской. Как бы она объяснила то, что время от времени позволяет побаловать себя сном в настоящей постели? За счет тех, для кого все это, в общем, пустяки. Да, ей вряд ли пришлось бы рассчитывать на понимание. Потому что понять можно только то, что испытал сам.

– Это не библиотека! Вы покупаете газету или нет?

Мужчина в киоске выглядел раздраженным. Не ответив, она послушно положила газету на место.

Было холодно, и у нее на самом деле болело горло. Она шла в сторону Центрального вокзала. Ей нужны деньги. До очередной подачки оставалось два дня. Но из-за выходных деньги она получит не раньше понедельника.

У вокзальных камер хранения стоял разменный автомат. Подойдя к нему, она несколько раз нажала на кнопку “пуск” под отверстием для купюр.

– Да что ж это такое?

Говорила она громко, так, чтобы все присутствующие слышали, как сильно она раздражена. Нажав на кнопку еще несколько раз, она шумно вздохнула и огляделась по сторонам. Человек в камере ручного хранения смотрел в ее сторону. Она направилась к нему.

– У вас проблема?– поинтересовался он.

– Автомат не работает! Проглотил мою сотню и ничего не разменял. А у меня поезд через восемь минут…

Мужчина нажал что-то на аппарате, из его нижней части выпрыгнул ящик для наличных.

– Вы не первая, этот разменник и раньше барахлил.

Надо же, как удачно.

Отсчитав десять десятикроновых монет, он положил их ей в руку.

– Вот, пожалуйста, не беспокойтесь, успеете.

Улыбнувшись, она положила деньги в сумочку.

– Спасибо.

Ключ от камеры хранения, слава богу, лежал не в забытом портфеле, а в кармане куртки.

Забрав свой рюкзак, она направилась в женский туалет, где пару минут спустя переоделась в джинсы и теплую куртку и одновременно приняла решение, что ей делать дальше.

Она заночует у Юханссонов.

По дороге к дачному поселку Эриксдаль она купила банку консервированной фасоли, хлеб, два яблока, колу и один помидор. Первые капли надвигающегося дождя застали ее, когда она уже переходила главную улицу поселка. Все последние дни небо наливалось серым свинцом, и нынешний день исключением не стал.

Поселок со всеми его домиками выглядел безлюдным, и она была благодарна за пасмурный мартовский денек, не слишком соблазнительный для садоводов-любителей. Впрочем, для садовых работ вроде бы еще рано. Хотя снег уже давно растаял, но холод из земли не ушел. Раньше она никогда не приезжала сюда вот так, среди бела дня, и теперь, конечно, рисковала, но ей нужен покой, она чувствовала себя усталой и разбитой. К тому же у нее явно поднялась температура.

Ключ, как обычно, лежал в кашпо. Кудрявые прошлогодние герани оттуда выдрали еще летом, но ключ хранился на прежнем месте. Именно там, где она впервые нашла его. С тех пор прошло почти пять лет.

Курт и Биргит Юханссон, настоящие хозяева этой земли, даже не догадывались, что делят дачу с Сибиллой. Она всегда оставляла домик в том же виде, в котором его находила, и бдительно следила за тем, чтобы не дай бог не сломать

что-либо из хозяйских вещей. Эту дачу она выбрала, во-первых, потому что нашла ключ, во-вторых, потому что здесь обнаружились толстые подушки для садовой мебели, на которых так удобно спится, а в-третьих, потому что хозяева додумались оборудовать керосиновый камин в своем садовом раю специальной плитой для приготовления пищи. Она успела изучить все их привычки. Приезжали они в основном летом. Если ей не изменит удача, она и дальше сможет чувствовать себя здесь в безопасности.

Внутри стояла духота и сырость. Здесь была всего одна комнатка, что-то около десяти квадратных метров, притом что домик был чуть ли не самым большим в поселке. Вдоль одной из стен располагалась пара кухонных шкафчиков и небольшая оцинкованная раковина. Открыв дверцу, Сибилла проверила, стоит ли ведро под обрезанной сливной трубой. У окна притулился облупленный маленький столик и две премиленькие табуретки. Засиженные мухами занавески в цветочек. Задернув их, она нашла на полке железный подсвечник и зажгла свечу. Застегнув “молнию” на куртке до самого подбородка, подошла к камину. Канистра почти пуста, позже вечером ей придется сходить на автозаправку. Развела огонь, вытащила из шкафа фарфоровую миску, положила туда яблоки с помидором и поставила миску на стол. Жизнь научила ее ценить мелочи существования, и по возможности Сибилла всегда старалась устроить себе хоть какой-то уют. Она вытащила из рюкзака спальный мешок и бросила на пол садовые подушки. Подушки были влажными, и, прежде, чем лечь, она постелила на них свой коврик из “пенки”.

Положив руки под голову и глядя в потолок, она твердо решила раз и навсегда забыть о “Гранде”.

Никто ведь не знает, что там была именно она, и уж точно никто не вычислит, кто она такая.

Свято уверенная в этом, она все глубже и глубже погружалась в сон.

* * *

В класс настойчиво постучали, и она сразу поняла, кто сейчас появится.

Они тогда учились в шестом, шел урок географии, и взгляды всех одноклассников обратились к закрытой двери.

– Входите.

Учительница вздохнула и отложила в сторону книгу, дверь открылась, и в помещение вошла Беатрис Форсенстрём.

Сибилла закрыла глаза.

Она знала, что учительнице не нравятся неожиданные визиты матери, ей самой они тоже не нравились. Краткие посещения, главной целью которых являлось требование особого отношения к Сибилле. Обычно после них все долго не могли сосредоточиться.

В этот раз речь шла о продаже рождественских снопов[3 - Сноп колосьев является одним из традиционных шведских рождественских украшений для сада и дома; обычно его продают школьники, скауты или представители благотворительных организаций.]. Накануне вечером родители нескольких учеников собрались и сделали рождественские венки и снопы, школьники в свою очередь должны были ходить с ними по домам, чтобы собрать деньги для поездки на весенние каникулы.

Беатрис Форсенстрём в мероприятии не участвовала.

Коллективные родительские акции – не для нее. Тратить целый вечер на эту деревенскую затею – ниже ее достоинства. Ее и ее дочери. Чтобы Сибилла ходила по домам и стучалась в двери, как попрошайка, – нет, это совершенно исключено. Бумажку, которую Сибилла принесла из школы, мать скомкала и выбросила в мусорную корзину.

– Сколько денег получит каждый ребенок от этих продаж?

Раздражение в голосе Беатрис Форсенстрём было слышно каждому.

Учительница встала из-за стола и заняла место за преподавательской кафедрой.

– Смотря как пойдет, – ответила она. – Пока мне трудно сказать, сколько мы в результате заработаем.

– Будьте любезны, проинформируйте меня, когда узнаете. Моя дочь принимать участия в торговле не будет.

Учительница посмотрела на Сибиллу. Та опустила взгляд, уставившись в книгу, которая лежала на парте.

– Но, мне кажется, детям будет интересно… – предприняла попытку учительница.

– Да, вполне возможно. Но Сибиллы это никоим образом не касается. Я вам заплачу, как только узнаю, о какой сумме идет речь.

– Но мы предприняли эту инициативу именно для того, чтобы родителям не нужно было платить.

На лице Беатрис Форсенстрём внезапно появилось очень довольное выражение. Сибилла поняла, что учительница произнесла именно то, что ожидалось, – то, что позволит матери высказаться.

Сибилла зажмурилась.

– Должна сказать, что лично мне кажется весьма странным тот факт, что школа принимает решения, не поинтересовавшись мнением всех родителей. Вполне вероятно, что некоторые из них считают, что это действительно выход, но что касается меня, то я предпочту заплатить за моего ребенка. И в будущем мне бы очень хотелось, чтобы вы спрашивали мое мнение прежде, чем подобного рода коллективные решения будут приняты.

Учительница промолчала.

Сибилла слышала, как мать развернулась и вышла.

Она должна была идти с Эрикой. Учительница разбила их на пары, чтобы никто не остался один. Она ждала этого целую неделю.

Едва дверь успела закрыться, как обрушилось первое обвинение.

– Мне кажется, несправедливо, если Сибба с нами не пойдет!

– Мне теперь идти с Сусанной и Эббой?

В голосе Эрики звучала надежда.

Торбьёрн, сидевший впереди, повернулся к Сибилле.

– Раз ты такая богатая, может, ты за всю школу заплатишь?

Она чувствовала, как щиплет глаза.

Больше всего на свете она ненавидела оказываться в центре внимания.

– Ребята, давайте сделаем перерыв.

Скрип стульев. Когда Сибилла снова открыла глаза, в классе никого не было. Только учительница стояла за кафедрой по-прежнему. Она вздохнула и улыбнулась Сибилле. Та почувствовала, как потекло из носа, ей пришлось громко шмыгнуть, чтобы ничего не упало на парту.

– Мне жаль, Сибилла, но я ничего не могу сделать.

Кивнув, Сибилла снова опустила голову. На изображении крепости Варберг появилось два пузыря в тот самый момент, когда глаза заволокло слезами.

Учительница подошла ближе и положила руку ей на плечо.

– Если хочешь, можешь не выходить в коридор.

* * *

Проснувшись, она чувствовала себя отвратительно. Кажется, ей снилось что-то дурное. Горло распухло, глотать было больно.

Камин погас, и она решила сходить за керосином. Спала она в куртке. Нашарила поблизости ботинки. Они оказались ледяными, и ноги мгновенно пронизал холод.

Приподняв край занавески, выглянула на улицу. В домиках по-прежнему никого не видно. Взяла яблоко и открыла дверь. Дождь прекратился, но небо было таким серым, что непонятно, как сквозь него вообще просачивался хоть какой-то свет. Она вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

Садик был отлично подготовлен к зиме. В полном и безупречном соответствии со всеми рекомендациями для садоводов. Увядшие цветы срезаны и аккуратно сложены у забора в компостную кучу. Некоторые участки клумбы заботливо прикрыты лапником – наверное, здесь зимуют самые нежные зеленые питомцы четы Юханссон.

– Вы кого-то ищете?

Она вздрогнула и повернулась. Держа в руках охапку старых веток, он стоял с другой стороны забора, из окна она бы его не заметила.

– Здравствуйте. Как вы меня напугали!

Он смотрел с подозрением. Она его не осуждала, зная из опыта, что в местный лесопарк периодически наведываются наркоманы.

– Курт и Биргит просто попросили меня проведать дачу. Они уехали на Канары.

Она подошла и протянула руку поверх забора. С Канарами, наверное, перебор? Впрочем, раскаиваться поздно.

– Меня зовут Моника. Я племянница Биргит.

Он пожал руку и представился.

– Уно Ельм. Вы уж простите, но мы сторожим друг друга. А то тут шляется так много странных типов!

– Да я знаю. Поэтому они и попросили меня присмотреть.

Он кивнул. Да, для зерен ее лжи нашлась благодатная почва.

– Так они уехали на Канары? Вот дают! А на прошлой неделе даже словом об этом не обмолвились!

Верю. Охотно верю.

– Это произошло неожиданно. Подвернулась очень дешевая поездка.

Он посмотрел в небо.

– Погода там, верно, получше, чем здесь. Да, было бы неплохо уехать отсюда на какое-то время.

Ваша правда. Очень неплохо.

Он погрузился в мечты о путешествиях, а она воспользовалась этим, чтобы свернуть беседу.

– Я отлучусь ненадолго, но позже вернусь.

– Вот как, но я, может, к тому времени уже уеду. Мне тут недолго осталось. Я, собственно, просто хотел убедиться, что здесь все в порядке.

Кивнув, она направилась к калитке.

Оставалось надеяться, что, пока она прогуляется до заправки, здесь не появятся Курт и Биргит.

Иначе господин Ельм совсем растеряется.

Она шла очень быстро. На этикетке спального мешка сообщалось, что он выдерживает пянадцатиградусный мороз, но эти перья все равно ее не согрели. Она жалела, что у нее нет с собой парацетамола. Может, попросить пару таблеток в местном Обществе милосердия?

До заправки оставалось совсем немного, когда сверху снова закапало.

Нет ничего хуже, чем сушить мокрую одежду, и последние метры она пробежала. Вот был бы у нее зонтик! Да, при такой погоде с Обществом милосердия придется подождать.

Возле двери магазинчика на заправке висели первые полосы сегодняшних газет, и, заходя внутрь, она бросила на них быстрый взгляд. Один листок был ярко-желтым. Шесть слов в два ряда.

Она остановилась.

Жертва убийства

Полиция разыскивает таинственную женщину

Под заголовком помещалась фотография, не оставлявшая ни тени сомнения в том, кто на ней изображен.

Это был Йорген Грундберг.

* * *

– Ты уверена, что это нужно обсуждать именно сейчас? – поинтересовалась Беатрис Форсенстрём. – Лучше надевай платье!

Сибилла сидела на кровати в нижнем белье. Она набралась смелости и тщательно выбрала момент. Если мать и могла изменить свое решение, то только сейчас, перед очередным празднованием Рождества. В это время она всегда бывала в хорошем настроении – предвкушала, нарочито суетилась по дому, убеждаясь, что все идеально. Сейчас она действительно могла продемонстрировать свой статус и получить от этого удовольствие. В маленьком Хюлтариде такой шанс выпадал нечасто.

– Ну пожалуйста, можно я тоже пойду продавать снопы, вместе со всеми? Ну хотя бы один день!

Умоляя, она даже склонила голову набок. Может, это подействует на мать и в предвкушении собственного удовольствия она проявит великодушие, разрешит и Сибилле то, чего ей так хочется? В виде исключения.

– Надень черные туфли, – ответила мать и направилась к двери.

Сибилла сглотнула. Нужно попытаться еще раз.

– Ну пожалуйста…

Беатрис Форсенстрём застыла на полушаге и, развернувшись, мрачно посмотрела на дочь.

– Разве ты не слышала, что я сказала? Моей дочери незачем ходить и попрошайничать ради того, чтобы съездить на какую-то там экскурсию. Если ты так хочешь туда ехать, мы с отцом за тебя заплатим. Кроме того, я считаю, что ты могла бы проявить большую благодарность, а не действовать мне на нервы именно тогда, когда мы собираемся к отцу на Рождество.

Сибилла опустила глаза, мать вышла из комнаты.

Это означало, что разговор окончен. Навсегда. Будто его и не было. Спорить с матерью было уже само по себе страшным преступлением, и она знала, что ей придется расплатиться за него сегодня же вечером. Она умудрилась испортить матери настроение – такое никогда не оставалось безнаказанным. И не предвещало ничего хорошего. Впрочем, дело и так обстояло из рук вон плохо.

Ежегодный рождественский обед на заводе “Металл и ковка Форсенстрём” был мероприятием столь же притягательным, как удаление нерва из зуба. Директор Форсенстрём и его супруга демонстрируют благодушие и угощают персонал с семьями роскошным обедом. Разумеется, Сибилла обязана присутствовать. Более того, она, разумеется, должна сидеть за столом для почетных гостей. На возвышении посередине зала в местном общественном центре. За этим столом она единственный ребенок. Для детей и молодежи накрывают отдельно, и никогда расстояние между ними и ней не бывает таким огромным, как на рождественских обедах.

Лежащее на кровати платье издевалось над ней. Мать купила его в каком-то дорогом стокгольмском бутике, так что Сибилла даже не мечтала о том, чтобы надеть что-нибудь другое. А то, что ей двенадцать и что на всех остальных девочках будут джинсы и пуловеры, – все это не имело ровным счетом никакого значения. Она же должна сидеть в зале на возвышении рядом со своими родителями и свысока взирать на народ.

Натянув платье через голову, она посмотрела в зеркало. У нее уже появилась грудь, и платье больно сдавило грудную клетку.

Ей предстоит жуткий вечер.

– И не забудь те синенькие заколки! – крикнула мать. – Гун-Бритт тебе их сейчас пришпилит.

Час спустя с двумя куда надо пришпиленными заколками она сидела на своем законном месте между директором по продажам и его мерзко пахнущей женой. Косясь в сторону молодежного стола, она вежливо отвечала на дурацкие вопросы про учебу, которые ей задавали окружающие. Она чувствовала, что мать постоянно бросает взгляды в ее сторону, и пыталась угадать, каким образом ей придется расплачиваться за собственное непослушание.

Это стало ясно во время десерта.

– Сибилла, спой нам что-нибудь!

Под столом разверзлась бездна.

– Но, мама, я действительно не…

– Спой какую-нибудь рождественскую песню, из тех, что ты знаешь.

Директор по продажам одобрительно улыбался.

– Мы с удовольствием послушаем! Ты знаешь “Сияет озеро и берег”?

Она понимала, что выхода нет. Ей не остается ничего другого. Она огляделась. Все сидевшие за столом смотрели на нее. Кто-то зааплодировал, и по залу несся шепот, что Сибилла Форсенстрём будет петь. Молодежный стол целиком развернулся в сторону почетного возвышения, и спонтанный громкий хор начал требовать, чтобы она встала.

– Сибилла! Сибилла! Сибилла!

– Неужели тебя нужно еще упрашивать? – поинтересовалась мать. – Ты же видишь, все ждут.

Медленно отодвинув стул, она поднялась с места. Шум в зале улегся, она затаила дыхание в надежде, что сейчас все как-нибудь само собой рассосется.

– Нам не видно! – крикнул кто-то из-за молодежи. – Встань на стул!

Она умоляюще посмотрела на мать, но та только рукой махнула, повелевая Сибилле встать на стул и явить себя народу.

Колени дрожали, она боялась, что не удержит равновесие. Бросив взгляд в сторону молодежного стола, она увидела, что там никто не скрывает насмешливых улыбок. Да, сейчас начнется апофеоз праздника.

Она снова на мгновение затаила дыхание. Начала петь. И уже после первых слов поняла, что взяла слишком высоко и конец ей не вытянуть ни за что. Она и не вытянула. Голос сорвался, и смешки в зале прозвучали как удары хлыста. Густо покраснев, она снова села на место. Помедлив несколько секунд, директор по

продажам захлопал в ладоши. После некоторого сомнения к нему присоединились остальные.

Поймав взгляд матери, она поняла, что наказание совершилось.

Теперь ее снова оставят в покое.

Домой отец возвращался радостный, довольный: вечер удался. Жена, одобрительно кивнув, взяла его под руку. Сибилла шла на несколько шагов позади. Увидев на земле красивый камешек, остановилась и захотела его подобрать. Мать повернулась назад.

– Видишь, у тебя получилось вполне сносно.

Они обе прекрасно понимали настоящий смысл сказанного.

Мать завершала экзекуцию.

– Жаль только, что в конце ты немножко сфальшивила.

Камешек так и остался лежать на дороге.

* * *

“Да чтоб вы все провалились, чтоб вы сдохли”, – только и подумала она. Надо же, а так прекрасно выглядел! Да, влипла, кажется, основательно. Понятное дело, полиция испытывает повышенный интерес к особе, с которой он сначала поужинал и которой потом так по-джентльменски оплатил гостиничный номер. И вероятность того, что таинственная, объявленная в розыск женщина – не Сибилла, а кто-то другой, столь же велика, как и того, что сейчас подойдут и спросят, не хочет ли она принять во владение домик с белыми наличниками в стокгольмских шхерах.

Ее охватила сильная злость. Влетев в магазинчик, она схватила одну из газет и раскрыла ее на середине.

УБИЙЦА РАСЧЛЕНИЛ СВОЮ ЖЕРТВУ

Четыре слова жирными крупными буквами. На одной половине разворота красовался портрет улыбающегося в объектив Йоргена Грундберга.

Из неподтвержденных источников известно, что убийца вскрыл тело жертвы и удалил внутренний орган. На месте преступления обнаружен также некий религиозный символ, что дает полиции основания полагать, что убийство носило ритуальный характер.

– Кошмар, да?

Сибилла подняла глаза. Мужчина за прилавком кивнул в сторону газеты, показывая, что он имеет в виду. Она кивнула в ответ.

– Восемь крон. Что-нибудь еще?

Она замешкалась. Для нескольких листов бумаги восемь крон – слишком большие деньги. Она нащупала в кармане монеты.

– И керосин.

Мужчина показал на полку, она взяла оттуда бутылку.

После оплаты у нее осталось девятнадцать крон.

Когда она вернулась, Ельм уже уехал. Громко захлопнув за собой дверь, она раскрыла газету. И, прочитав всего четыре строчки, убедилась, что ищут именно ее.

Кто та загадочная женщина, которая вчера вечером ужинала с Йоргеном Грундбергом и которой удалось уйти сквозь полицейское оцепление? Любую информацию на эту тему предлагалось сообщать по телефонам горячей линии

полиции. Все номера приводились тут же.

В животе у нее противно засосало, и ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело.

Она чувствовала угрозу.

Что делать? Может, просто позвонить по этому номеру и сказать, что она не имеет ко всему этому никакого отношения? Но в таком случае ей придется себя раскрыть, а это плохо. Достаточно набрать ее личный номер на ближайшем компьютере, чтобы стало ясно, что ее практически не существует. Да, у них наверняка проснется любопытство, а ей хотелось только одного – чтобы ее не трогали. Чтобы ее предоставили самой себе. Последние пятнадцать лет все, собственно, так и было. Ею никто никогда не интересовался.

Все свои мелкие правонарушения она тоже хотела бы сохранить в тайне. Нищих вообще трогают редко, а она к тому же человек не злой. Просто не укладывается в общепринятую норму и слишком долго существует вне социума, так что уже поздно что-либо менять.

Она не является частью системы.

Она просто пытается выжить. На собственных условиях. Но что газеты могут сделать из ее истории, даже подумать страшно! Жизнью своей она отнюдь не гордится, но никто, черт возьми, не имеет права вмешиваться в твое существование со своими идиотскими соображениями! Понять можно только то, что пережил сам. Сложилось как сложилось. Из всего нужно уметь извлекать хоть какую-то пользу. Ее не поймут! Она же родилась с золотой ложкой во рту.

– Но, Хенри, я не могу взять ее с собой. Ты же помнишь, чем все кончилось в прошлый раз.

Беатрис Форсенстрём собиралась в Стокгольм, чтобы навестить мать и теток. Директор Форсенстрём их не особенно жаловал, те отвечали взаимностью, так что визиты Сибиллина мама обычно наносила одна. Может, она действительно вышла за отца по любви. Во всяком случае, это произошло против воли ее

родителей. Второе поколение владельцев “Металла и ковки Форсенстрёма” – для семейства Халль, обитающего в аристократической квартире на Эстермальме, этого явно недостаточно. Нувориш, он и есть нувориш, а ценилась порода. Родниться следовало со старинными семействами. И потом, ради всего святого, ну что их дочь будет делать в этом Хюлтариде? Какая-то дыра посреди смоландской возвышенности. Впрочем, поступай как знаешь. Только потом не жалуйся, когда убедишься, что мы оказались правы!

Все это Сибилла усвоила, сидя за столом у бабушки в Стокгольме и слушая ее разговоры с дочерью. Еще бабушка была крайне недовольна, хоть и не слишком удивлена тем, что для обзаведения потомством им понадобилось так много времени. Ну как это выглядит со стороны? На момент рождения Сибиллы Беатрис успело исполниться тридцать шесть.

Бабушка обладала удивительной способностью объясняться недомолвками и скрытыми инсинуациями, и способность эта явно передавалась по наследству. Иногда Сибилле казалось, что она тоже так умеет, просто никогда этим не пользуется.

Но пока ей одиннадцать, и, спрятавшись на лестнице, она слушает разговор родителей.

– Двоюродные братья и сестры над ней смеются. Никто ни слова не понимает из того, что она говорит. Я этого не вынесу!

Хенри Форсенстрём не отвечал.

Наверное, читал какие-нибудь бумаги.

– У нее же выговор хуже, чем у последнего смоландского работяги, – продолжала мать.

Она услышала, как вздохнул отец.

– А что тут страшного-то, – ответил он с еще более ужасающим смоландским произношением. – Она же тут выросла.

Беатрис Форсенстрём на мгновение замолчала. И хотя Сибилла не могла видеть свою мать, она точно знала, как та сейчас выглядит.

– В любом случае я считаю, что ей лучше остаться дома… А я тогда наконец куда-нибудь выберусь. Мама сказала, в следующую пятницу премьера “Травиаты”.

– Конечно. Делай как хочешь.

Именно так мать всегда и делала.

Сибилла никогда больше не ездила с ней в Стокгольм. В следующий раз она окажется здесь при совсем других обстоятельствах.

* * *

Проснувшись на следующее утро, она всем телом почувствовала, что что-то не так. Ей казалось, что она заперта в домике, как в клетке, и ей захотелось поскорее отсюда уйти. Камин погас, она замерзла, но с горлом, слава богу, стало легче. Накануне вечером она боялась, что это гнойная ангина, которой однажды она уже болела. Лечится пенициллином. Попасть к врачу без карточки пациента нелегко, так что хорошо бы все обошлось.

И потом, какой врач, если ее разыскивают!

Еще она сильно проголодалась. Съела остатки хлеба, хотелось пить, но всю колу она выпила вечером. Помидор и последнее яблоко завершили завтрак.

Собрала вещи. Аккуратно поставила на место подсвечник и миску. Вернув на место подушки, огляделась по сторонам, проверяя, все ли в порядке, и, взвалив рюкзак на плечи, открыла дверь. Не отпуская ручку двери, помедлила.

Страх. Она его давно не испытывала.

Рюкзак сполз с плеча, она снова закрыла дверь.

Черт, да соберись же!

Вытащив одну из табуреток, она села и обхватила голову руками. Плакать она тоже разучилась. Давно поняла, что это не помогает. Да и с тех пор как ее оставили в покое и предоставили самой себе, повода для слез, в общем, не было. Хотя был… один… Но он прятался так глубоко, что боль туда не доходила. Мысли занимала еда. А еще то, где провести следующую ночь. Остальное отодвигалось в сторону.

К тому же сейчас у нее есть деньги.

Она положила руки на грудь, туда, где в плоском кошельке под одеждой хранилось 29 385 священных крон.

Еще немного, и ей хватит. Еще немного, и она у цели, за которую боролась последние пять лет, цели, благодаря которой она не сдавалась. Да, она приняла решение всерьез изменить свою жизнь. Пойти дальше. Дойти до домика с белыми наличниками. До собственного домика, где она сможет жить спокойно. Так, как ей хочется. Может, она будет выращивать овощи. Заведет кур. Воду можно брать в колодце. Она мечтала не о роскоши, а всего лишь о четырех стенах. И чтобы в этих стенах никого, кроме нее, не было.

Тишина и покой.

Если без водопровода и электричества, вдали от больших дорог, где-нибудь в глуши, то 40 тысяч должно хватить.

Она мечтала именно о таком месте.

На севере, в Норрланде, можно, конечно, найти убежище еще дешевле, но она сомневалась, выдержит ли холодные зимы. Уж лучше еще немного поднапрячься.

Каждый месяц в течение последних пяти лет, получая щедрую материнскую подачку, она откладывала все, что могла. Если деньги попадали в нагрудный кошелек, они прекращали для нее существовать. Какой бы голодной она ни была.

Еще пару лет, и сумма наберется.

Вытащив деньги, она разложила их на столе веером. Она всегда ходила в банк и меняла купюры на другие.

На такие, к которым не прикасалась мать.

Полюбовавшись ими, она снова почувствовала себя лучше. Для дальнейшего поднятия духа можно посетить риелторскую фирму.

Нужно следить за ценами на недвижимость!

Собрав деньги, она убрала их на место и подняла рюкзак, задвинула под стол табуретку, открыла дверь и легко вышла на улицу.

Она успела добраться до кольцевой. И только здесь в витрине магазинчика увидела газетный анонс, который снова начисто лишил ее надежды.

Теперь не нужно думать о том, как пережить день.

Теперь нужно бежать.

В убийстве с расчленением обвиняется женщина

Таков был заголовок.

А под заголовком размещалась фотография. И имя.

Сибилла Форсенстрём, 32 года.

– Сибилла, пожалуйста, не надо так смотреть. Неужели ты не можешь сделать ну хоть капельку веселое лицо?

И послушная девочка – а Сибилла тогда еще была такой – изо всех сил попыталась это сделать, но с плачевным результатом. Впрочем, как бы она ни выглядела, на фото все равно получалась еще хуже. Так, видимо, считала даже мать, потому что Сибилла вообще не помнила эту фотографию. Завитая щипцами челка и маленькие локоны по бокам. Затравленные глаза.

Ей стало дурно.

В кармане лежало девятнадцать крон. Газета стоила восемь.

В расследовании убийства 51-летнего Йоргена Грундберга, случившегося прошлой ночью в “Гранд-отеле”, совершен значительный прорыв. Подозреваемая – 32-летняя Сибилла Форсенстрём, та самая женщина, которую, как уже сообщалось, видели в четверг вечером вместе с убитым мужчиной, – объявлена в розыск. Дежуривший в ту ночь сотрудник отеля только сейчас сообщил, что убитый сам заказал для подозреваемой номер. Проверка показала, что имя, которым она ему представилась, является вымышленным. В пятницу утром 32-летней женщине удалось пройти сквозь полицейское оцепление, но в ее номере найдены предметы, которые могут классифицироваться как вещественные доказательства. Наш источник сообщает, что в течение вечера накануне убийства подозреваемая носила парик, который впоследствии оставила в номере. Там же полиция обнаружила портфель, в котором, как сообщает тот же источник, вероятно, находится орудие преступления. Вид найденного оружия полиция пока не сообщает.

Сибилла Форсенстрём была идентифицирована благодаря найденным на портфеле отпечаткам пальцев. Эти же отпечатки обнаружены на магнитном ключе от номера жертвы, а в номере подозреваемой найден бокал с отпечатками пальцев жертвы.

Тридцатидвухлетняя женщина пока является для полиции загадкой. В 1985 году она сбежала из психиатрической клиники в Южной Швеции, где проходила лечение, и с тех пор ни разу не вступала в контакт с государственными или частными учреждениями. Полиция сняла ее отпечатки пальцев после того, как в

1984 году подозреваемая совершила угон автомобиля, управляя им без водительского удостоверения.

Подозреваемая выросла в состоятельной семье в одном из небольших городов Восточной Швеции. Начиная с 1985 года у женщины нет постоянного места жительства, поэтому полиция обращается ко всем с просьбой сообщать любую информацию, касающуюся возможного места пребывания подозреваемой. Полиция также предупреждает, что женщина может вести себя неадекватно и иметь предрасположенность к насилию. В забытом ею портфеле обнаружен ежедневник, анализом которого в настоящее время занимаются судебные психиатры. Несвязные записи в блокноте, как сообщает наш источник в полиции, подтверждают неадекватное психическое состояние женщины. Полиция также просит обратить внимание на то, что опубликованная фотография Сибиллы Форсенстрём сделана 16 лет назад. Официант, обслуживавший 32-летнюю женщину и будущую жертву в четверг вечером, утверждает, что она была корректна, хорошо одета и имела ухоженный вид. В настоящее время этот человек помогает полиции составить фоторобот разыскиваемой. Свидетельские показания и любую другую информацию о личности подозреваемой можно сообщить по телефону 401–00–40 или в ближайшее отделении полиции.

Она узнала этот привкус во рту. Вкус пришел откуда-то снизу, точно живот признал то, что отказывался признавать мозг.

Они хотят взять ее под контроль.

Снова.

Что-то душило ее изнутри. Старое, забытое, но знакомое чувство, смертельный испуг. Оно пряталось где-то, ожидало своего времени, и вот время настало. И все вернулось. Все, что она сознательно стремилась забыть. Все, что она так успешно оставила позади.

А теперь, пожалуйста, читайте об этом в газетах!

Читайте все, у кого есть желание.

Что-что? А, Сибилла-Сибилла. Вшивая кобыла.

Мы всегда были уверены, что из нее ничего не получится.

Она сжала кулак в кармане.

Разве она виновата, в том, что была чужой? Чужой всегда и везде? Но она же выкарабкалась! Чего еще они от нее хотят? Она борется за выживание. Она, та самая. Которая выжила вопреки всему.

А теперь они уничтожат все, чего она добилась. Они превратят ее силу в склонность к безумию. Ее скромное существование – в убогую нищету.

Нет, она им не позволит.

Ни при каких обстоятельствах она им этого не позволит.

Сейчас это у них не пройдет.

* * *

– Это не я.

Она звонила из таксофона на Центральном вокзале Стокгольма. В трубке замолчали. Она повторила сказанное еще раз:

– Его убила не я.

– Кого?

– Йоргена Грундберга.

Краткая пауза.

– Простите, с кем я разговариваю?

Она огляделась по сторонам. Суббота, народу много. Люди едут домой и из дома, встречаются и расстаются.

– Я Сибилла, та, кого вы ищете. Это не я его убила.

В двух метрах от нее остановился мужчина с портфелем. Посмотрел на свои наручные часы, а потом на нее, давая понять, что торопится и хочет, чтобы она поскорее закончила разговор. Вокруг было множество телефонов, но она обнаружила, что разговаривает по единственному, где не требуется телефонная карточка.

Она повернулась спиной к мужчине.

– Где вы находитесь?

– Это не имеет значения. Я только хочу, чтобы вы знали, что это не я…

Замолчав, она повернула голову. Мужчина не ушел, а в ожидании раздраженно на нее пялился. Снова отвернувшись, она понизила голос:

– Это сделала не я! Больше мне сказать нечего.

– Постойте.

Она хотела повесить трубку, но замешкалась. Ей казалось, она слышит, как женщина на другом конце провода взвешивает слова.

– Почему мы должны верить, что вы действительно Сибилла?

– Что?

– Вы можете назвать свой личный номер?

Сибилла чуть не рассмеялась. О чем речь?

– Мой личный номер?

– Да, сегодня нам уже звонили, представившись Сибиллой. Почему мы должны верить, что именно вы говорите правду?

У нее даже рот открылся от удивления.

– Потому что я и есть Сибилла Форсенстрём! У меня давно не было необходимости пользоваться личным номером, так что я его забыла! И звоню я для того, чтобы вы, черт бы вас побрал, оставили меня в покое!

Она забыла о мужике, который стоял сзади. Развернувшись, увидела, что теперь он притворялся, будто не замечает ее.

– Где вы находитесь?

Сибилла фыркнула и посмотрела на трубку.

– А вот это не твоего ума дело.

Нажав на рычаг, она закончила разговор. Мужчина бросил на нее ангельский взгляд. Она протянула ему трубку.

– Ваша очередь.

– Нет, спасибо.

– Ах нет? Тебе же только что было невтерпеж!

Из кармана его пальто торчала “Экспрессен”. Она видела собственный глаз и жуткую челку.

– Ну и на фиг тогда!

Она повесила трубку на место. Тревожно улыбаясь, мужчина отошел в сторону. Нужно срочно исчезнуть. Да, злость лучше, чем страх. Но опрометчивой быть нельзя.

Начиная с этого мгновения она больше не знает, кому и в какой связи известно ее имя.

Какого черта они назвали ее Сибиллой?

* * *

Ей без труда удалось узнать все, что нужно.

Газеты напечатали о Йоргене Грундберге столько, что при желании по этим материалам можно было запросто набросать краткую версию его мемуаров.

До Эскильстуны поезд идет недолго. Большую часть пути она провела в клозете. После того как кондуктор, проверив билеты, открыл туалет, она вышла и села в одном из купе. Ее неожиданное появление ни у кого не вызвало ни малейшего интереса. С тех пор как она догадалась, что щипцами для завивки можно открывать туалеты в поездах, она иногда позволяла себе попутешествовать. Пробиралась в поезд на стокгольмском вокзале и пряталась в туалете. Только однажды ее обнаружили и высадили на вокзале в Халльсберге.

Халльсберг, кстати, оказался вполне ничего.

Почему-то настроение у нее стало намного лучше. Может быть, потому, что она твердо решила не выпускать ситуацию из-под контроля. А может, потому, что потратила последние деньги на гамбургер.

Огромная вилла Грундбергов пряталась за метровым забором из такого же белого кирпича, каким был отделан фасад. Окруженная с обеих сторон замысловатыми фонарями садовая дорожка вела к выкрашенной под красное дерево входной двери, которая плохо сочеталась с черными оконными рамами. На крыше красовалась самая большая параболическая антенна из всех, какие Сибилла когда-либо видела.

Здесь все кричало о недавно обретенном богатстве.

Она довольно долго простояла в сомнениях у каменной ограды. Потом, чтобы не возбуждать любопытства, обошла разок вокруг квартала и во время прогулки приняла решение. Раз уж она сюда приехала, то она сейчас пойдет и попробует получить все нужные ей объяснения. Голова приняла решение легко, а ноги плохо – она вернулась к дому с другой стороны квартала, и мужество снова оставило ее. Темные стекла, черные ставни. Казалось, оттуда за ее сомнениями наблюдают злые враждебные глаза.

Входная дверь открылась.

– Вы из прессы?

Сибилла сглотнула.

– Нет.

Открыв калитку, она пошла по дорожке, стараясь пока не смотреть на женщину, стоявшую в проеме входной двери. Во дворе на полпути к дому располагался метровой ширины бассейн с мраморной римлянкой в центре. По-видимому, когда позволяла погода, римлянка распыляла воду. Но сейчас ей явно было холодно.

Сибилла пересекла двор и остановилась у крыльца. Еще раз сглотнула и подняла глаза на стоявшую перед ней женщину.

– Я вас слушаю. – Женщина не скрывала нетерпения.

– Извините за беспокойство, но я ищу Лену Грундберг.

Женщина переступила с ноги на ногу. Ей было около сорока, и она прекрасно выглядела.

– Это я.

Сибилла почувствовала неуверенность. Не могла сообразить, на что сделать ставку. Может, назваться дежурным пастором или членом какой-нибудь

кризисной группы, так, кажется, они называются – она читала в газетах, что такие приходят к безутешным вдовам и стараются их приободрить. Но эта женщина казалась такой же твердой, как мраморная тетка в бассейне.

– В чем дело?

Тон слегка раздраженный. И нетерпеливый. Как будто ее оторвали посреди интересного сериала. Посмотрев на женщину, Сибилла приняла мгновенное решение. Низкий старт.

– Меня зовут Берит Свенссон. Я знаю, что пришла не вовремя, но… Я хочу попросить у вас помощи. – Она опустила глаза. Снова посмотрела вверх – женщина приподняла одну бровь. Сибилла продолжила: – Я прочитала в газете… я живу тут неподалеку… И я тоже потеряла мужа, полгода назад. Мне просто хочется поговорить с кем-нибудь, кто знает, что это такое.

Женщина в дверях словно бы взвешивала все “за” и “против”. “Против”, похоже, перевесило. Сибилла поддала жару.

– Мне кажется, вы очень сильная личность, – продолжила она. – Я буду вам очень благодарна, если смогу хоть немного поговорить с вами.

Последнее было абсолютной правдой, наверное, поэтому женщина и заглотила комплимент. И сделала шаг назад, приглашая в дом.

– Входите. Мы можем сесть в гостиной.

В один шаг преодолев ступеньки, Сибилла вошла в холл. Наклонилась, чтобы снять обувь. Ковер вроде ручной работы, а рядом пафосная подставка для зонтов из темно-зеленого металла.

Проем в стене между холлом и гостиной имел форму полукруглой арки. Лена Грундберг шла первой, Сибилла за ее спиной осматривалась по сторонам. Напрасно она накрасилась в поезде. Попыталась стереть помаду рукой. У этой женщины безупречный макияж, и Сибилла интуитивно чувствовала, что чем задрипаннее будет выглядеть непрошеная гостья, тем будет лучше.

В общем, она встречала этот тип и раньше.

Гостиная выглядела настолько безвкусно, что Сибилла почти в отчаянии озиралась по сторонам, пытаясь найти хоть что-нибудь, заслуживающее похвалы. Определила то единственное, что не было откровенно отвратительным.

– Какая красивая изразцовая печь!

– Спасибо, – произнесла Лена Грундберг, опускаясь в кожаное кресло цвета бычьей крови. – Пожалуйста, присаживайтесь.

Сибилла села на громадный кожаный диван. С удивлением уставилась на стоящий рядом стеклянный столик. Его опора представляла собой еще одну мраморную женщину, которая, лежа на спине, держала стеклянную столешницу на вытянутых руках и ногах.

– Йорген любил мрамор, – объяснила Лена Грундберг. – Помимо всего прочего.

В прошедшем времени. Не моргнув глазом.

Казалось, госпожа Грундберг прочитала ее мысли.

– Хочу сразу сказать, что наш брак не был счастливым. Мы даже собрались разводиться.

Сибилла позволила новости немного отстояться и в конце концов отреагировала:

– Грустно.

– Инициатором развода была я.

– Вот как.

В комнате наступила тишина. Сибилла немного растерялась. Чего она, собственно, добивается? Черт его знает.

– А вы давно овдовели?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что она вздрогнула. Зачем-то посмотрела на часы. Они снова стояли.

– Шесть месяцев и четыре дня назад, – произнесла она после паузы.

– От чего он умер?

– От рака. Все случилось очень быстро.

Лена Грундберг покачала головой.

– Вы были счастливы?

Опустив глаза, Сибилла смотрела на свои руки. Хорошо, хоть ногти не накрасила.

– Да, очень, – ответила она тихо.

Они обе помолчали.

– И всё-таки странно, – произнесла госпожа Грундберг. – Всего лишь год назад Йорген умирал от почечной недостаточности. Несколько месяцев лежал в больнице. А теперь, когда они сказали, что все хорошо и ему нужно лишь принимать лекарства… когда он практически выздоровел… – Она снова покачала головой. – Теперь его взяли и убили! После всех мучений. Звучит цинично, но на самом деле – это абсолютно в его духе!

Сибилла с трудом скрывала изумление.

– Что вы имеете в виду?

Госпожа Грундберг ухмыльнулась:

– Да у него все было не как у людей. Каким же надо быть идиотом, чтобы привести в номер незнакомую бабу! К тому же такую страшную. Уже по фотографии понятно, что она полная уродина.

Спокойно.

– Вам обидно? – Она старалась говорить бесстрастно.

– Не в том дело. Просто мне кажется, что он мог бы проявить побольше вкуса. Ну пусть бы у него была такая женщина, как…

Неожиданно ее голос сел. Спрятав лицо в ладонях, она всхлипнула.

Смотрите-ка, что делается! У мраморной статуи, оказывается, есть кое-какие чувства. Надо только слегка отколупать мейк-ап.

Она задумалась над словами фру Грундберг. И одновременно почти пожалела, что не позволила Грундбергу остаться в номере. Так, исключительно из человеколюбия.

– Пусть бы у него была такая женщина, как вы?

Ей пришлось напрячься, чтобы скрыть раздражение. Лена Грундберг уловила новую интонацию и попыталась взять себя в руки. Открыла рот, будто зевая, и осторожно, чтобы не испортить косметику, вытерла слезы.

– Да, так действительно было бы лучше.

Сибилла внимательно посмотрела на женщину. Пожалуй, именно этот подвид ей раньше не встречался.

– Почему? – Ей на самом деле стало любопытно, и она продолжила: – Вы же сами хотели развода?

Окончательно овладев собой, госпожа Грундберг откинулась в кресле.

– Я понимаю, что это эгоистично, но унизительно, когда тебя могут поменять на кого угодно. Даже на гостиничную шлюху. Какой чудовищно дурной вкус!

Да оглянись вокруг, дура! Мой рюкзак и тот красивее, чем вся твоя обстановка. Уж кто бы говорил о хорошем вкусе!

Сибилла дважды сглотнула.

– Откуда вы знаете, что она шлюха?

Госпожа Грундберг фыркнула:

– По ней видно. Вот посмотрите!

Наклонившись, она подняла с пола вечернюю газету и протянула ее Сибилле. Та косо посмотрела на собственное изображение. Узнаваем только нос.

– А почему полиция так уверена, что его убила именно эта женщина?

Лена Грундберг снова бросила газету на пол.

– Они поднимались вместе, их видели портье, а утром она скрылась, несмотря на оцепление. Вполне достаточные улики. К тому же они везде нашли ее отпечатки. К примеру, на ключе от его номера.

– А если это все-таки не она? Вы уверены, что у него не было других… – В последнюю минуту она опомнилась и изобразила приступ кашля. – …врагов в Латвии и Литве?

Маскируя ошибку, она кашляла усердно и долго. Лена Грундберг даже принесла ей воды, которую Сибилла с благодарностью выпила.

– Спасибо, – произнесла она наконец. – Простите, у меня астма.

Госпожа Грундберг понимающе кивнула и снова села в кресло.

– Не было других… кого?

– Что?

– Вы спросили, уверена ли я, что у него не было других?..

– Врагов… или кого-нибудь в этом духе.

Лена Грундберг пристально смотрела на нее. Пожалуй, пора уходить. Она уже даже сделала движение, чтобы встать, но в это время женщина напротив нее фыркнула:

– Сибилла!

Она произнесла это с таким презрением, что Сибилле показалось, что ей дали пощечину. Сглотнув, она осталась сидеть.

– Из одного имени ясно, что это она, – взорвалась госпожа Грундберг. – Разве у нормального человека может быть такое имя?

Сибилла постаралась скрыть дрожь. На мгновение она действительно испугалась.

– Интересный поворот. Ее оправдывает только то, что имя себе она выбирала не сама.

Лена Грундберг снова фыркнула.

Сибилле хотелось поскорее уйти. Разговор с госпожой Грундберг складывался крайне неприятно, но она с таким трудом сюда добралась, что глупо уходить, не выведав как можно больше.

– Как он умер?

– Ему перерезали горло. А потом вспороли живот и извлекли наружу внутренности.

Так сообщают кулинарные рецепты.

Воздух, ей нужен воздух! Ее захлестнула тошнота. Она встала.

– Мне пора.

Вдова Грундберг по-прежнему сидела в кресле.

– Как я понимаю, ваши ожидания я не оправдала?

Вранья на сегодня хватит.

– Не вполне.

Госпожа Грундберг кивнула и опустила глаза.

– Все реагируют по-разному.

Сибилла согласилась:

– Да, конечно. Спасибо, что позволили мне зайти.

В прихожей она надела ботинки. Лена Грундберг по-прежнему сидела в кресле, и, пока Сибилла открывала дверь и выходила на улицу, никто не проронил ни слова.

* * *

Эти прогулки ее спасали. Во-первых, это был повод уйти из дома, а во-вторых, так она хоть немного проветривала все свои тяжелые подростковые переживания. Гуляла она по окраинам и всегда самой дальней дорогой обходила расположенный в центре киоск с сосисками. В Хюлтариде там встречались все, кто хотел встретиться. А Сибилла не хотела. Она уже давно старалась пересекаться с одноклассниками только в случае крайней необходимости. Такой необходимостью была школа, и этого хватало более чем.

На окраине города находился пункт сбора членов КМА – клуба молодых автолюбителей. Это было довольно облезлое здание с автомастерской на первом этаже. Местоположение клуба открыто свидетельствовало о социальном положении ее членов, но самих членов это заботило мало.

Не окажись он там, когда она проходила мимо, она бы никогда не обратила на него внимания. Скорее всего. Склонившись над двигателем, он чинил что-то в шикарном и разукрашенном американском автомобиле. Остановившись метрах в десяти, она залюбовалась шедевром. Языки красного пламени облизывали капот и крылья зеленой машины. Ничего подобного она раньше не видела.

Она осторожно наблюдала за ним, а он вдруг выпрямился и заметил ее.

– Класс, да?

Вытер тряпкой испачканные маслом руки. Она кивнула.

– “De Soto-Firedom”. Пятьдесят девятая модель. Мне ее только что отполировали.

Она промолчала. Что говорить? Больше всего ее удивило то, что в Хюлтариде есть человек, который умеет рисовать такое красивое пламя.

– Хочешь посидеть?

Она не ответила. Захлопнув капот, он подозвал ее жестом.

– Смотри, кожаная обивка!

Она подошла поближе. Ему действительно очень хотелось продемонстрировать свой автомобиль. По виду парень неопасный. К тому же она ни разу не сидела в такой крутой американской машине. Он был намного старше. Года на четыре минимум. Раньше она его не встречала.

Он отшвырнул тряпку, но, перед тем как открыть дверь, на всякий случай вытер руку о синие штаны. После нескольких секунд раздумий она решилась. И утонула, как в кресле.

– Супер, да? Восемь цилиндров, триста пять лошадиных сил.

Она робко улыбнулась:

– Ой, как здорово.

Он обошел машину и открыл водительскую дверь:

– Дай там за тобой на заднем сиденье одеяло.

Сибилла оглянулась назад. Взяла коричневое клетчатое одеяло и протянула ему. Он прикрыл сиденье и только после этого сел.

– Ну что, нарежем кружок?

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Но он уже повернул ключ зажигания.

– Я не знаю… Мне пора домой.

Двигатель заурчал. Он нажал на какую-то кнопку, и ее стекло опустилось.

– Электроподъемники. Хочешь попробовать?

Она нажала на кнопку, и окно снова закрылось. Посмотрела на него и заметила, что от улыбки на его щеках появились две ямочки. Он включил передачу и положил руку на спинку ее сиденья. Сердце забилось. Она понимала, что рука за ее головой – это практическая мера, но жест все равно ощущался как-то интимно. Повернув голову, он задним ходом выехал на дорогу.

Как она сюда попала? В эту машину, к этому дикому незнакомому человеку?

А вдруг ее кто-нибудь увидит?

– Я могу отвезти тебя домой. Где ты живешь?

Сибилла сглотнула.

– Не надо, – ответила она быстро. – Давай просто немного покатаемся.

Они поехали в сторону домов. Сибилла тайком подсматривала за ним. На его лице были следы масла.

– Кстати, меня зовут Микки. Только руку пожимать не стоит. Если, конечно, не хочешь вымазаться.

– Сибилла, – произнесла она тихо.

Он посмотрел на нее.

– Так ты, что ли, дочка Форсенстрёма?

– Да.

Он выехал на Туллгатан. Киоск совсем близко.

– Слышишь, как плавно она едет?

Сибилла кивнула. Очень плавно! Примерно так же, как “рено” Гун-Бритт.

У киоска с сосисками, как всегда, толпился народ. Когда они оказались совсем рядом, Сибилла съежилась.

– Это твои друзья?

Сначала она промолчала. Бросив на нее взгляд, он продолжил:

– Ну, в смысле, они все время торчат у твоего киоска.

От собственного остроумия он рассмеялся. А Сибилла нет. Заметив ее реакцию, он снова постарался стать серьезным.

– Да ладно тебе, я же просто пошутил, ты что, не понимаешь?

Она посмотрела на него. Он на самом деле просто пошутил. Не собирался издеваться. И ничего не имел в виду. Тихо, сквозь зубы, она произнесла:

– Это не мои друзья.

Оставшуюся часть пути они почти не разговаривали. Он снова привез ее во двор КМА, она сказала ему “спасибо”. Она вышла из машины, он поднял капот.

Отойдя на какое-то расстояние, Сибилла оглянулась. Он уже снова увлеченно копался в моторе.

А у нее в душе теперь все изменилось. Она чего-то ждала. Была уверена, что произошло что-то особенное. Хорошее. Что-то, что станет очень важным.

Да, и произошло, и стало.

Кто знает, как бы все сложилось, если бы машину покрасили днем раньше, если бы лак высох часом позже, если бы Микки успел уехать, если бы она пошла по другой улице, если бы, если бы, если бы…

Ее жизнь могла бы пойти совсем по-другому.

Дойдя в тот день до перекрестка – до одного из тех, из которых, собственно, и состоит жизнь, – она миновала его не задумываясь, и, так же как и все люди, не сразу поняла, что это было.

Ей понадобилось зайти очень далеко. Чтобы понять.

Понять, что именно в тот вечер она свернула не туда. Но, осознав это, она уже ничего не могла изменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/karin-alvtegen-2/utrata-3/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

1 Кор. 4: 1–5.

2

Всего хорошего (англ.).

3

Сноп колосьев является одним из традиционных шведских рождественских украшений для сада и дома; обычно его продают школьники, скауты или представители благотворительных организаций.

Купить: https://tellnovel.com/karin-alvtegen/utrata-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити